

18+

Автор: Евгений Анпилов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕКТОР "МИНУС ДВА"
ПОДЗЕМНЫЙ КОНТУР

Евгений Анпилов
Сектор «Минус два».
Подземный контур. Часть 2

<https://litres.ru/74361493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обнулить банду Сивого и вырваться из капкана Свалки — лишь половина расчета. В ранце Кирилла «Культа» Андреева пульсирует «Очаг Жизни» — Сердце Зоны, способное спасти его умирающую дочь на Большой Земле. Но элитные наемники «Черного Креста» перекрыли выходы на поверхность, объявив тотальную охоту на свидетелей. Единственный путь — уйти на тридцатиметровую глубину, в заброшенные коллекторы стратегического резерва Госплана СССР. Там, в темноте Сектора «Ноль», электроника слепнет, оружейная сталь плавится как пластилин, а комбинезон «Контур-М4» трещит от наводок. Но под землей героев ждет угроза страшнее радиации. Радикальный вожак фанатиков Глеб Костромин по кличке Пепельник бросает в бой свои карательные отряды, а после нового Прилива мертвецы «Савана» встают на ноги. У Культа на исходе фильтры и патроны к «Вереску», но в его руках — тяжелый «Печенег», бронебойно-зажигательные Б-32 и холодная ярость отца. Он прожжет этот титановый заслон или останется в этих норах навсегда.

Содержание

ГЛАВА 1: ЗА ПОРОГОМ ФИЗИКИ	4
ГЛАВА 2: ТАБАЧНЫЙ НАЛОГ ГОСРЕЗЕРВА	13
ГЛАВА 3: ХИРУРГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО ХРАНЕНИЯ	22
ГЛАВА 4: ЭКОНОМИКА ХОЛОДНЫХ СТЕН	28
ГЛАВА 5: АРСЕНАЛ СПЕЦ-ХРАНИЛИЩА	35
ГЛАВА 6: ИЗНАНКА СУМЕРЕЧНОГО БУНКЕРА	41
ГЛАВА 7: ПОДЗЕМНЫЙ КОНТУР РЫЖЕГО ЛЕСА	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Анпилов

Сектор «Минус два».

Подземный контур. Часть 2

ГЛАВА 1: ЗА ПОРОГОМ ФИЗИКИ

Тьма за гермодверью очистных сооружений не просто пугала — она осязалась кожей. Она была густой, маслянистой и давила на барабанные перепонки с такой силой, будто Кирилл «Культ» Андреев опустился на дно океана без водолазного колокола. Звуки внешнего мира умерли мгновенно: шум свинцового дождя, завывание ветра над Кордоном и далекие крики наемников Миллера отрезало, стоило тяжелому стальному листу шлюза соприкоснуться со скошенным косяком стены.

Кирилл замер, удерживая СР-2МП «Вереск» в правой руке. Металлическая рукоятка пистолета-пулемета внезапно показалась неестественно теплой, почти горячей. Он плавно опустил на правый глаз тактический монокуляр ночного видения и включил питание. На экране прибора вместо привычной блекло-зеленой картинки пошли жирные, фиолетовые горизонтальные полосы. Электроника захлебывалась. Высокочастотные наводки Сектора «Ноль» выжигали

кремниевые платы ПНВ за секунды.

— С..ка, слепну, — процедил Кирилл через внутренний микрофон. Мат прозвучал глухо, клапан маски «ППМ-88» выдал короткий поршневой свист.

Он выключил бесполезный прибор, поднял его на шлем и щелкнул тумблером подствольного тактического фонаря «Клещ» на АК-74Н. Луч белого светодиодного света разрезал серую мглу впереди.

Мир, открывшийся перед ними, не подчинялся логике советских строителей. Это был старый коллектор магистральной вентиляции, но его бетонные стены местами шли волнами, будто плиты когда-то расплавились до состояния жидкого пластилина, а затем мгновенно застыли. Кабельные короба на потолке были скручены в уродливые спирали, из которых гроздьями свисали оплавленные медные жилы. На полу не было воды — вместо нее лежала глубокая, сантиметров в десять, сухая серая пыль. При каждом шаге Кирилла эта пыль лениво поднималась вверх, но не оседала обратно, а продолжала парить в воздухе маленькими, слабо светящимися в луче фонаря облачками. Пепел пространственного распада.

— Култ... — голос Анны в рации прозвучал с сильными искажениями, будто сквозь слой ваты. — Мой наручный индикатор... стрелка прыгает от нуля до тридцати рентген. Прибор сошел с ума.

— Прижмись к Маркусу, Анна. Контролируй его правое

плечо, — скомандовал Кирилл, бросая перед собой латунную гайку.

Гайка улетела вперед метров на пять, но траектория ее полета была странной: на середине пути она резко вильнула влево под углом в сорок пять градусов, с сухим стуком ударилась о бетонную стену и... осталась висеть на ней, примагниченная неведомым физическим полем. Кирилл подошел ближе, посветил фонарем. Тяжелая латунь медленно вращалась вокруг своей оси на вертикальной поверхности бетона, не падая вниз.

— Впереди локальный гравитационный сдвиг, — Кирилл инженерным маркером нанес косую черту на полу. — Наступать строго по правой кромке, у самого стыка плит. Маркус, как плечо? Жив?

Наемник, тяжело опираясь на обломок старой железной трубы правой рукой, шел следом. Камуфляж БР-5 на его груди окончательно промок от пота и сукровицы, из-под шлема текли грязные дорожки. Опиаты буторфанола держали его сознание в узком коридоре тактической реальности, но координация движений наемника стремительно падала.

— Жив... пока... сапер, — прохрипел Немец, кашляя сквозь респиратор. — Но мой карабин... НК416... затвор идет туго. Металл будто разбух. Слышь этот хруст?

Маркус передернул затворную раму немецкого карабина. Звук был отвратительным — сухой металлический скрежет, словно внутрь ствольной коробки насыпали крупно-

го речного песка. В Секторе «Ноль» кристаллическая решетка оружейной стали начинала менять свои свойства под воздействием жесткого микроволнового излучения Объекта Четырнадцать. Импортные штурмовые винтовки с их минимальными допусками и прецизионной подгонкой деталей сдавались первыми. Старый добрый АК-74Н Кирилла пока держался благодаря советским зазорам в затворной раме, но и его механика требовала постоянного внимания.

— Оружие за спину, Маркус. Не трогай затвор, пока не дойдем до гермозоны «Госрезерва», — Кирилл перехватил «Вереск». — Если начнется контакт — я отработаю одиночными из пистолета-пулемета. Мои девятки 7Н29 в этих лазах рикошетить будут страшно, так что стреляю строго в упор.

Они прошли еще около ста метров по искривленному туннелю. Температура воздуха начала стремительно расти: если на Кордоне было около пяти градусов тепла, то здесь термометр на рукаве Кирилла показывал уже плюс тридцать четыре. Воздух стал сухим, горячим, он обжигал легкие даже через угольные фильтры. На стенах бетона начали появляться странные образования — «каменные цветы», состоящие из спекшейся радиоактивной соли и окиси свинца. Они слабо пульсировали в темноте тускло-оранжевым светом, напоминая тлеющие угли костра.

Внезапно туннель закончился массивным тупиком. Перед ними выросла огромная, круглая стальная плита — главный гермозатвор технического въезда в спец-хранили-

ще «Госрезерв-2018». Толщина металла — не менее полуметра, по контуру — три ряда массивных прижимных ригелей. На стальной поверхности, покрытой слоем консервационной смазки, сохранилась четкая белая надпись: *«Объект 14. Склад СР-3. Вход без допуска категории А — огонь на поражение»*.

Прямо над гермозатвором, на бетонной балке, была закреплена автоматизированная турель оборонительного комплекса «Система Периметр-М». Массивный бронированный кожух, из которого торчал спаренный ствол пулемета ГШГ-7.62. Комплекс был запитан от подземной геотермальной линии, и его датчики — два инфракрасных объектива и лазерный дальномер — тускло светились багровым цветом в темноте.

Услышав шаги ходоков, турель ожила. Тяжелый бронекорпус со звуком работающих сервоприводов плавно повернулся в сторону Кирилла, стволы пулемета опустились вниз, нацелившись точно в центр массы его комбинезона «Контур-М4». Лазерный дальномер выдал тонкую, как нить, красную линию, которая замерла на панограмном стекле маски Кирилла.

Зуммер. Автоматика комплекса начала тактический отсчет времени для идентификации целей. Три секунды до открытия огня на поражение.

— Стоять! Назад! Всем лечь! — рывкнул Кирилл, падая лицом в серый пепел.

Он инстинктивно перекатился влево, укрываясь за бетонным выступом дренажного коллектора. Маркус и Анна рухнули на пол секундой позже.

Но турель не выстрелила. Бронированный корпус пулеметной установки внезапно дернулся, сервоприводы издали жуткий, захлебывающийся скрежет, и стволы оружия начали хаотично ходить из стороны в сторону, выписывая безумные круги по стенам и потолку. Лазерный луч целеуказателя метался по туннелю, как сумасшедший светлячок. Комплекс «Периметр-М» сошел с ума. Мощные пространственные аномалии Сектора «Ноль» выжгли логические блоки военного бортового компьютера, превратив идеальную оборонительную систему в непредсказуемого, слепого убийцу, который мог открыть огонь в любую долю секунды в любом направлении.

— С..ка, датчики закоротило! — Маркус прижал голову к бетону, закрывая шею правой рукой. — Культ, она сейчас весь туннель в дуршлаг превратит! Сделай что-нибудь, ты же сапер, б..я!

Кирилл лежал за выступом, лихорадочно оценивая тактическую ситуацию. До турели было около двенадцати метров. Расстрелять ее из АК-74Н — бесполезно, лобовая броня кожуха выдерживала прямое попадание пули калибра 12.7 мм. Взрывчатки у него больше не осталось — весь тротил ушел на подрыв фундамента вышки Сивого на Свалке. Подползти ближе под хаотично мечущимся стволом пулемета — чистая

лотерея, где главным призом была очередь в две тысячи выстрелов в минуту.

«Экономика боя требует точечного удара, — Кирилл перехватил АК-74Н, плавно наводя ствол на узел коммутации кабелей, который располагался на стене чуть ниже турели. Толстый бронированный кабель шел от пола к распределительной коробке пулемета. — Если перебить линию питания, сервоприводы сдохнут».

Он прильнул к окуляру прицела ПО 4х24. Вспышки лазерного луча турели слепили оптику, но Кирилл успел поймать в перекрестие стальную муфту крепления силового провода. Расстояние минимальное, баллистика патрона 7Н22 идеальная. Палец плавно выжал свободный ход.

Бах.

Одиночный выстрел из автомата грохнул под бетонным сводом. Тяжелая бронебойная пуля со стальным остроконечным сердечником ударила точно в распределительную муфту. Металл коробки разлетелся, во все стороны брызнули синие искры короткого замыкания. Сивой кабель, перебитый наполовину, с шипением вывалился из пазов, изрыгая жидкий огонь горящей изоляции.

Турель «Периметра» мгновенно обмякла. Бронированный кожух бессильно опустился стволами в пол, багровые объективы датчиков погасли. Металлическая машина превратилась в груды мертвого ржавого железа.

Кирилл выждал пять секунд, контролируя установку че-

рез прицел, а затем поднялся на ноги, отряхивая серый пепел с комбинезона «Контур».

— Всё, сдохла железка. Поднимайтесь.

Анна подняла голову, ее лицо за стеклом маски было мокрым от пота. Она тяжело дышала, глядя на Кирилла с дикой смесью ужаса и восхищения. Маркус поднялся с глухим стоном, его правая рука по-прежнему висела на карабине, но взгляд стал более осмысленным.

— Хороший выстрел, сапер, — Маркус подошел к массивному гермозатвору «Госрезерва». — Но теперь у нас новая тактическая проблема. Турель мы отключили, а как эту полутонную х..ню открывать без кодов доступа? Руками мы ее ригели не сдвинем, даже если втроем навалимся.

Кирилл подошел к панели управления шлюза. Массивный стальной ящик со старым кодовым диском и гнездом для подключения армейского терминала был мертв. Питание на него не подавалось.

Вдруг с той стороны гермозатвора, из глубин подземного бункера, раздался отчетливый, металлический стук. Кто-то мерно, с одинаковым интервалом бил тяжелым молотком по стальной плите шлюза изнутри.

Тук... Тук... Тук...

Герои замерли. Анна инстинктивно сделала шаг назад, прячась за спину Кирилла. Маркус вскинул карабин левым локтем, преодолевая боль. В замкнутом пространстве подземного туннеля Сектора «Ноль», на глубине сорока метров

под землей, этот стук звучал как приветствие из загробного мира.

Из динамика старого, полусгнившего интеркома, висящего на стене рядом с распределительной коробкой, вдруг раздался жуткий, хрипящий треск, переросший в сухой, дребезжащий человеческий голос:

— Эй, на том свете... Кто там пулеметы Госплана ломает? Если это ты, фон Штольц, старый ты х..еплет, то катись к черту, я тебе двери не открою. У меня патронов еще на два года осады хватит, а водку я твою контрабандную всю вчера выпил. А если вольные ходоки... то готовьте жетоны. Вход в Госрезерв нынче платный. Пятьдесят меди за рыло. И пачку сигарет с фильтром. Иначе сидите там в туннеле, пока вас Прилив в бараний рог не завяжет.

Кирилл переглянулся с Маркусом. Наемник медленно опустил ствол карабина, а на его бледном лице появилась слабая, волкоподобная ухмылка.

— Мать твоя женщина... — прошептал Немец. — Это же Дед Одинцов. Комендант бункера. Он живой, сумасшедший старик. Культ, у нас есть сигареты? Похоже, экономика этого рейда только что сделала новый тактический поворот.

ГЛАВА 2: ТАБАЧНЫЙ НАЛОГ ГОСРЕЗЕРВА

Сухой, дребезжащий голос из динамика старого интеркома затих, сменившись тяжелым, прерывистым фоновым шипением. Звук этот напоминал дыхание чахоточного больного, запертого в железном сундуке. Наводки Сектора «Ноль» продолжали терзать проводку — мембрана громкоговорителя на бетонной стене периодически испускала короткие щелчки статических разрядов.

Кирилл «Культ» Андреев продолжал стоять на одном колене, удерживая СР-2МП «Вереск» в правой руке. Металл пистолета-пулемета под его ладонью постепенно остывал, но воздух вокруг по-прежнему оставался горячим, удушливым и сухим. Серая пыль пространственного распада лениво кружилась в белом луче подствольного фонаря «Клещ».

— Слышь, комендант! — Кирилл поднялся, сделав шаг к перебитой муфте кабеля турели. Его голос через внешний клапан маски «ППМ-88» прозвучал ровно, с привычной армейской хрипотцой. — Я не из «Черного Креста». И полковника твоего фон Штольца в глаза не видел. Я вольный ходок. Со мной девка из «Вектора» и раненый контрактник, которого свои же слили на мясо. У нас есть хабар от Сивого, есть чистая вода. И курево найдется. Открывай засов, дед. При-

лив только что кончился, у тебя на входе турель с ума сошла, мы ее обесточили. Если сейчас полыхнет второй вал Прорыва — нас тут всех в известковую кашу переплавит прямо под твоей дверью.

Интерком захлебнулся новым приступом статического треска. На той стороне заслона слышалось тяжелое кряхтение, шарканье старых армейских сапог по железному настилу и глухой стук отброшенного в сторону инструмента.

— Вольный, говоришь? — голос деда Одинцова стал чуть более въедливым, в нем прорезались интонации старого, прожженного штабного снабженца, который тридцать лет пил кровь у прапорщиков на складах долгосрочного хранения. — И турель мою штатную, значит, обнулil? Шустрый ты хмырь, сапер... Ладно, верю. Спецназ яйцеголовых так не разговаривает, они сразу шнур детонирующий в щели пихают. А наемники фон Штольца вежливости не обучены, от них только мат трехэтажный по радиосвязи идет. Давай так, ходок. Договор дороже жетонов, у нас тут под землей своя экономика. Кладешь пачку сигарет в приемный лоток дезактивационного шлюза — он справа от плиты, под зеленой коробкой. И полтинник меди. Чистой меди, без стронциевого налета! Проверю анализатором — если подсунешь радиоактивный хлам с Свалки, я внутри тумблер нажму, и вас через форсунки коллектора кипящим мазутом обольет. Усек тактику?

— Усек, — Кирилл поставил «Вереск» на предохранитель

и плавно опустил его на одноточечный тактический подвес.

Он повернулся к Маркусу. Наемник сидел на бетонном выступе, тяжело прислонившись головой к стене. Глаза его были полузакрыты, но правая рука продолжала мертвой хваткой удерживать цевье карабина НК416. Буторфанол из аптечки «Вектора» выполнял свою работу, но Кирилл, как бывший военный, понимал: это тактический кредит, за который Маркусу придется платить тяжелейшим шоком, как только действие опиата иссякнет.

— Маркус, курево осталось? — тихо спросил Кирилл, запуская руку в боковой карман своего ранца.

Наемник хрипло, болезненно усмехнулся, не открывая глаз. Левым локтем он пошевелил, указывая на верхний клапан своей окровавленной разгрузки.

— Там... во внутреннем... «Мальборо» красное, контрабанда с внешнего периметра... Полторы пачки осталось, Култ. Берег для Рыжего леса... Забирай. Старому х..еплету внутри это сейчас как золото пойдет. На Большой Земле за такие сигареты в тюрьме торгуют, а тут — пропуск на тот свет.

Кирилл аккуратно, стараясь не тревожить раненое плечо наемника, расстегнул липучку подсумка. Достал плотную, пахнущую настоящим табаком и качественной полиграфией пачку «Мальборо». Сигареты были сухими, завернутыми в защитную фольгу — редчайшая вещь для Сектора «Минус Два», где ходки обычно курили влажную, пропитанную из-

вестковой пылью махорку «Беломор», от которой легкие выплевывались через респиратор уже через полгода.

Из своего административного подсумка Кирилл извлек горсть тяжелых медных дисков — старая советская чеканка, которую Прохор на Кордоне принимал как стабильный разменный эквивалент свинцовым жетонам. Медь в Секрете ценилась за свои физические свойства: она практически не накапливала наведенную радиацию и использовалась учеными для пайки контактов в чувствительной глубоководной электронике бункеров. Он отсчитал ровно двадцать пять тяжелых медных пятак — по весу это была добрая половина килограмма чистой советской меди.

— Анна, стой здесь, не шевелись, — скомандовал Кирилл, направляясь к правой кромке гермозатвора.

Приемный лоток дезактивационного шлюза представлял собой массивную стальную коробку, вмонтированную в бетонную стену. На ее поверхности сохранились остатки желтой предупреждающей краски. Кирилл с усилием потянул за массивную Т-образную рукоятку, открывая приемный зев. Внутри лоток был чистым, покрытым слоем сухого графитового порошка. Он аккуратно выложил на дно пачку «Мальборо» и со звоном высыпал медные пятаки. Задвинул ручку обратно до отчетливого металлического щелчка.

В глубине стены что-то тяжело зажужжало. Послышался глухой стук вакуумных заслонок — это дед Одинцов на той стороне шлюза запустил цикл радиационной очистки и про-

верки трофеев.

— Так-так-так... — через минуту снова ожил интерком, и в голосе старого коменданта появилось отчетливое, почти детское удовлетворение. — Мать твоя женщина... «Мальборо»! Красное! Настоящее, американское, вирджинский табак! Не обманул, ходок. И медь... Медь чистая, анализ показывает ноль-ноль-два миллирентгена. На Кордоне за такую горсть Прохор бы тебе три цинка бронебойных семерок выставил. Ладно, Культ. Экономика сделки закрыта. Контур чист. Стойте смирно, сейчас ригели пойдут. Стволы в потолок, пальцы с крючков убрали, иначе моя внутренняя автоматика вас прямо в коридоре продует.

В ту же секунду в глубине полуметровой стальной плиты гермозатвора раздался чудовищный, вибрирующий гул. Это включились мощные гидравлические прессы, которые не запускались, судя по звуку, с момента катастрофы 2018 года. Массивные стальные ригели диаметром с доброе человеческое бедро начали медленно, со страшным металлическим скрежетом втягиваться внутрь дверной плиты. Бетон вокруг шлюза задрожал, с потолка коллектора посыпались струйки сухого серого пепла.

Центральный шов гермозатвора разошелся, и изнутри, из глубин «Госрезерва-2018», в темный туннель Сектора «Ноль» хлынул поток воздуха. Этот воздух разительно отличался от всего, чем Кирилл дышал последние две недели. Он был прохладным, сухим, с отчетливым запахом старой ору-

жейной смазки, консервационного солидола, сушеного укропа и... солярки. Но главное — в нем не было того приторного, сладковатого привкуса озона и извести. Это был чистый воздух довоенного мира, сохраненный замкнутой системой регенерации бункера.

Массивная полутонная плита плавно ушла вправо, открывая проем шлюзовой камеры.

Внутри, на фоне тусклого желтого света промышленных светильников, стоял человек. Внешний вид деда Одинцова полностью соответствовал его голосу. Это был невысокий, жилистый старик лет семидесяти, одетый в идеально отглаженный, хотя и сильно потертый советский офицерский китель образца 1988 года с погонами майора инженерных войск. На ногах у него были яловые армейские сапоги, начищенные до зеркального блеска, а поверх кителя была натянута старая брезентовая разгрузка под магазины АК.

Лицо коменданта было сухим, сморщенным, как печеное яблоко, с кустистыми седыми бровями и длинными усами, как у запорожского казака. Правый глаз старика был закрыт черной кожаной повязкой, а левый — пронзительный, блекло-голубой — смотрел на вошедших ходоков с тактическим прищуром старого артиллериста. В руках майор Одинцов уверенно, без малейшей дрожи удерживал старый укороченный автомат с прикрученным к нему кустарным глушителем из обрезка водопроводной трубы. Из кармана его кителя торчала пластиковая трубка, ведущая под одежду — выносной

блок старого советского кардиостимулятора на литиевых батареях.

— Ну, добро пожаловать в Спец-хранилище СР-3, граждане мародеры, — Дед Одинцов плавно опустил ствол автомата вниз, но палец с предохранителя не снял. Он жадно вытащил из кармана одну сигарету «Мальборо», чиркнул старой бензиновой зажигалкой «Зиппо» и сделал глубокую, затяжную затяжку. Глаз его довольно зажмурился. — О-о-о... Хорошо-о. Настоящий табак. Не то что эта верблюжья моча, которую мне фон Штольц через своих шестерок раз в полгода присылал. Заходите быстрее, шлюз закрывать пора. Давление в туннеле растет, скоро второй вал Прилива поверху пойдет, я по датчикам вижу.

Кирилл подхватил Маркуса под руку, Анна схватила брезентовую сумку с трофейными патронами Сивого, и они быстро перешагнули через массивный стальной порог шлюза. Дед Одинцов тут же повернулся к пульту управления, нажал тяжелую красную кнопку. Гидравлика снова взвыла, и полутонная плита гермозатвора с глухим, окончательным стуком встала на место. Ригели с грохотом вошли в пазы стены. Сектор «Ноль» остался снаружи. Они оказались внутри «Госрезерва-2018».

Шлюзовая камера вела в длинный, просторный коридор, стены которого были выкрашены в классический советский больничный цвет — белый верх, зеленый низ. Через каждые десять метров на потолке горели тусклые лампы в железных

защитных сетках. Пол был выложен чистой бетонной плиткой. Здесь было тихо, сухо и прохладно.

— Так, — Дед Одинцов повернулся к ходакам, выпустив густую струю сизого дыма к потолку. Его единственный глаз остановился на Маркусе, который уже едва держался на ногах, оставляя на чистой плитке пола жирные багровые капли крови. — Контрактник твой совсем плох, сапер. Дыра в плече знатная, пуля 5.45 со стальным сердечником, судя по входному отверстию. Лопатка в труху, артерию чудом не задело. Если сейчас рану не промыть и не зашить — он у меня тут к утреннему разводу загнется от сепсиса. Тащите его в медицинский блок, это по коридору третья дверь направо. У меня там еще остались запасы советского стерильного стрептоцида и хирургические иглы в консервации. Девка, бери сумку и марш за мной. А ты, Культ... Снимай свой «Контур» тактический, хватай ветошь у входа и протирай пол за своим дружком. У меня тут воинская часть, б..я, порядок должен быть идеальный! Я тридцать лет этот бункер в чистоте держу не для того, чтобы всякие ходоки мне тут радиационную юшку по углам размазывали!

Кирилл усмехнулся, чувствуя, как напряжение последних часов постепенно начинает отпускать его мышцы. Этот безумный старик в отглаженном кителе, запертый под землей с 2018 года, вернул Секрету «Минус Два» подобие нормальности.

— Сделаем, товарищ майор, — Кирилл скинул тяжелый

ранец, поставил свой АК-74Н у стены и перехватил Маркуса поудобнее. — Порядок — дело святое. Показывай, где у тебя тут операционная. Нам этого немца надо до рассвета на ноги поставить. У нас к нему и к его полковнику фон Штольцу еще очень много тактических вопросов осталось.

Они двинулись по зеленому коридору бункера, уходя все глубже в подземелья Госплана. Кирилл понимал, что первый контур Прорыва пройден, но экономика их выживания теперь полностью зависела от того, какие тайны скрывает этот сумасшедший комендант и что за оружие лежит на складах «Госрезерва-2018». Клиническая смерть Сектора «Минус Два» отступала, уступая место чистой, подземной тактике.

ГЛАВА 3: ХИРУРГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО ХРАНЕНИЯ

Медицинский блок «Госрезерва-2018» встретил героев резким, удушливым запахом карболки и подсохшей резины. Помещение было небольшим, кафельные стены цвета блеклой бирюзы местами пошли мелкими трещинами, но в целом здесь поддерживался маниакальный, чисто уставной порядок. По центру стоял массивный металлический операционный стол довоенного образца, над которым нависал круглый бестеневой светильник с шестью мощными лампами. Четыре из них были выкручены для экономии энергии, но оставшиеся две выдавали ровный, хирургически холодный свет.

— Клади его сюда, сапер, да поаккуратнее, не мешок с картошкой ворочаешь, — Дед Одинцов отставил свой укороченный автомат в угол, к медицинскому шкафу-витрине.

Кирилл аккуратно опустил Маркуса на холодную сталь стола. Наемник глухо застонал, его правая рука рефлексивно дернулась, ища ремень карабина, но Кирилл перехватил НК416 и аккуратно поставил оружие рядом с автоматом коменданта. Пальцы Маркуса разжались, он окончательно обмяк, погружаясь в тяжелое, полубессознательное состояние. Опиатный туман буторфанола смешивался с травматическим шоком.

— Анна, бери вон тот эмалированный таз, тащи чистую воду из бака у стены, — скомандовал Одинцов, на ходу сдвигая с себя брезентовую разгрузку. Под кителем у него действительно обнаружился пластиковый корпус стационарного советского кардиостимулятора, примотанный к груди широким медицинским пластырем. Аппарат тихо, ритмично пощелкивал в такт пульсу старика. — Культ, хватай ножницы. Надо эту немецкую сбрую с него срезать. Весь этот титановый понт БР-5 сейчас только мешает.

Кирилл достал из разгрузки тяжелые тактические ножницы для разрезания одежды. Действуя быстро и хладнокровно, он начал кромсать пропитанную кровью кордуру комбинезона Маркуса. Металл ножниц с трудом, но перекусывал силовые стропы и кевларовые нити. Толстая титановая пластина с левого плеча с глухим стуком упала на кафельный пол, обнажив рваную, страшную рану.

Входное отверстие пули калибра 5.45 мм располагалось чуть ниже левой ключицы. Оно было небольшим, окруженным сине-черным ореолом гематомы. Но вот сзади, в районе лопатки, пуля со стальным сердечником устроила настоящий тактический погром. Выходя наружу, она зацепила кость, развернулась и вырвала солидный кусок мышц вместе со стальными волокнами внутренней подкладки куртки. Рана продолжала сочиться густой, темной кровью, которая смешивалась с белой пеной гемостатического порошка Прохора.

— Да-а... — Дед Одинцов подошел ближе, поправив кожаную повязку на правом глазу. Он достал из кармана кителя массивные стальные зажимы и пинцет, которые перед этим макнул в банку с чистым медицинским спиртом. — Прохор со своим порошком химическим парню жизнь, конечно, спас на первые часы. Кровь запеклась. Но если эту корку сейчас не вычистить — через сутки тут черви заведутся. Зона, она ведь грязь любит. Анна, воду сюда!

Девушка дрожащими руками поставила тяжелый таз на край стола. Ее лицо было бледным, она старалась не смотреть на рваное мясо на спине Маркуса, но профессиональная лаборантская привычка держать себя в руках помогла ей остаться в строю.

— Держи его за ноги, Культ. Обезбол я ему вколол сильный, армейский, из закровов Госплана, но когда я начну кость осколки выковыривать — он может брыкаться как полковой мерин, — Одинцов взял в руку хирургическую ложку. — Ну, с богом и советской властью.

Следующие сорок минут превратились для Кирилла в бесконечную тактическую борьбу за удержание тела наемника. Маркус выл сквозь зубы, его тело выгибалось дугой, мышцы здоровой правой руки натягивались до предела, кости трещали. Дед Одинцов действовал со скоростью и жестокостью заправского полкового коновала. Он методично, осколок за осколком, извлекал из раны куски раздробленной лопатки, промывал полости чистым фурацилином и засыпал

туда чистый стрептоцид из герметичных стеклянных ампул 1989 года выпуска.

— Смотри-ка, ходок, — Одинцов пинцетом звякнул о дно лотка, бросив туда деформированный кусок металла. — Сердечник стальной от семерки. 5.45, индекс 7Н6. Старый советский патрон, со смещенным центром. Наемники Миллера такими не бьют, у них все больше натовский калибр в ходу. Это парня свои же приложили, точно тебе говорю. Либо бандосы Сивого из трофейного ствола.

— Свои и приложили, — мрачно процедил Кирилл, вытирая пот со лба рукавом «Контура». — Полковник фон Штольц списал Маркуса и всю его группу, чтобы скрыть сделку с Падальщиками. Они Анну вели на продажу внешним корпорациям.

Дед Одинцов остановился, его единственный блекло-голубой глаз недобро прищурился. Он посмотрел на Анну, которая как раз подавала ему стерильный шелковый шовный материал.

— Внешние корпорации, значит... — старик сплюнул в угол мединского блока. — Мясоеды х..евы. Они еще в 2018-м пытались этот сектор под себя поджечь. Прислали тогда комиссию из министерства, приказы липовые со штампами Госплана совали. Мол, сдавайте склады СР-3, эвакуация объявлена. А у меня устав. Без личной подписи министра обороны или начальника Генштаба я этот бункер никому не отдам. Я их тогда из этой самой турели «Периметр» на входе

и раскатал. Полсотни чиновников вместе с их тактической охраной в туннеле полегло. Думали, майор Одинцов старый дурак, испугается. А майор присягу давал.

Старик начал быстро, профессионально накладывать швы на разорванные мышцы Маркуса. Его узловатые, мозолистые пальцы двигались со скоростью швейной машинки. Кожа наемника стягивалась аккуратными, плотными стежками.

— Всё, жить будет твой немец, ходок, — Одинцов отрезал нить ножницами и наложил поверх раны широкую брезентовую повязку с мазью Вишневского. Характерный, резкий запах дегтя мгновенно перебил карболку. — Перекладывай его на кушетку в углу. Пусть спит. До рассвета он точно не жилец для марш-бросков. А мы с тобой, Культ, пошли в штабной сектор. Посмотрим на твой КПК Сивого. И карты Профа обсудим. Мне ведь тоже интересно, что за тактика сейчас на Свалке и Кордоне крутится, пока я тут под землей сигареты считаю.

Кирилл аккуратно перенес обмякшего Маркуса на узкую медицинскую кушетку, укрыл его старым армейским байковым одеялом. Анна села рядом на железный табурет, положив руку на лоб наемника — тот был горячим, начиналась лихорадка, но дыхание бойца «Черного Креста» стало ровным и глубоким. Кризис миновал.

Кирилл подобрал свой АК-74Н и штурмовой «Вереск», закинул ранец на плечо и вышел вслед за дедом Одинцовым в длинный зеленый коридор «Госрезерва-2018». Подземная

изнанка Объекта Четырнадцать начинала раскрывать свои тактические карты, и Кирилл понимал, что этот безумный майор инженерных войск может стать его главным козырем в борьбе против засады капитана Миллера и проснувшихся аномалий Сектора «Ноль».

ГЛАВА 4: ЭКОНОМИКА ХОЛОДНЫХ СТЕН

Штабной отсек бункера СР-3 располагался за массивной дубовой дверью с табличкой *«Секретная часть. Вход строго по пропускам»*. Внутри все выглядело так, будто время замерло в конце восьмидесятых годов прошлого века. Огромный Т-образный стол, покрытый зеленым сукном, тяжелые кожаные кресла с высокой спинкой, на стене — огромный портрет генерального секретаря в массивной раме, а под ним — длинная металлическая стойка с телефонами правительственной связи «ВЧ». Все аппараты были мертвы, их трубки лежали на рычагах, покрытые тонким слоем графитовой пыли.

Дед Одинцов прошел к углу кабинета, где за небольшим столиком гудел старый, но исправный дизель-генератор малой мощности, подключенный к вентиляционной шахте. Старик достал из сейфа бутылку из темного стекла с косой надписью «Спирт питьевой. ГОСТ 5962-67» и три граненых стакана.

— Садись, сапер, в ногах правды нет. У нас в инженерных войсках как говорили: пока карта не нарисована — тактика не начинается, — Одинцов налил в два стакана чистую, прозрачную жидкость ровно по сто граммов. Третий стакан

он наполнил чистой водой и пододвинул Кириллу. — Пей. Спирт чистый, консервационный. Радиацию из лимфы вымывает лучше любого вашего «Векторовского» антирада.

Кирилл снял шлем и маску, положив их на зеленое сукно стола. Его лицо было бледным, под глазами залегли темные круги от хронического недосыпа, но взгляд оставался сосредоточенным. Он вежливо отодвинул стакан со спиртом в сторону, взяв воду.

— Не пью в рейде, товарищ майор. Голова должна быть чистой. Нам завтра через Рыжий лес прорываться по подземной теплотрассе.

Одинцов одобрительно крикнул, замахнул свой стакан одним глотком, даже не поморщившись, и тут же закурил вторую сигарету «Мальборо».

— И правильный тактический расчет, Культ. Уважаю. Нынешнее племя ходоков на Кордоне — слабаки. Чуть что — сразу за бутылку хватаются или таблетки жрут горстями. А Зона — она ведь трезвых любит. Трезвых и расчетливых. Ну, показывай, что там у тебя за электроника от Сивого.

Кирилл достал из административного подсумка разбитый КПК «Гранит» лидера Падальщиков, положил его на стол и включил питание. Блекло-зеленый экран выдал меню шифрования.

— Маркус говорил, что у Сивого была прямая связь с полковником фон Штольцем, — Кирилл указал пальцем на строчку лога «Кондор-1». — Они сливали бандитам марш-

руты исследовательских групп «Вектора». Ученые платили «Черному Кресту» за охрану миллионы жетонов, а наемники сами же наводили на них мародеров, чтобы потом получать долю артефактами. Чистая экономика на крови.

Дед Одинцов взял КПК своими узловатыми пальцами, поднес ближе к единственному глазу. Он начал крутить колесико прокрутки, вчитываясь в зашифрованные логи. Его брови сходились к переносице все сильнее, а усы сердито торпорщились.

— М-да... Полковник твой фон Штольц — сука редкая, — констатировал старик, с грохотом опустив прибор на стол. — Я его помню. Он в 2017-м тут крутился, еще майором был в составе инспекционной группы Министерства энергетики. Всё вынюхивал, где у нас подземные склады боеприпасов и резервные генераторы находятся. Уже тогда, тварь, схему нарезал, как этот сектор разграбить, когда все бабахнет. А Бабахнуло ведь знатно, Культ. В 2018-м, во время Второго Прорыва, тут на Объекте Четырнадцать ученые доигрались со своими контурами частотными. Пространство вывернуло наизнанку. Наш бункер СР-3 выстоял только потому, что у него стены — три метра спец-бетона со свинцовой крошкой, и своя автономная артезианская скважина на глубине ста метров.

Старик поднялся, подошел к огромной настенной карте, которая была закрыта плотной брезентовой шторой. Он резко дернул за шнур. Штора упала, обнажив детальную,

засекреченную схему подземных коммуникаций Южно-Полесского спец-района.

— Смотри сюда, сапер, — Одинцов указал толстым пальцем на красную точку в самом центре карты — Объект Четырнадцать. — То, что вы на поверхности называете Рыжим лесом и Свалкой — это просто верхушка айсберга. Под землей тут проложена магистральная теплотрасса стратегического резерва Госплана. Диаметр туннелей — три метра, там вагонетки рельсовые ходили до аварии. Вот этот синий контур — дренажная система, она идет параллельно теплотрассе и выходит строго под мобильную платформу ученых «Вектора» на Припятских болотах. Маршрут чистый от аномалий типа «жарок» или «воронок», потому что там проложены тяжелые экранирующие кабельные короба со свинцовой защитой. Физика Сектора «Ноль» туда не пробивает.

Кирилл поднялся, внимательно вглядываясь в линии коммуникаций. Его инженерный мозг мгновенно начал просчитывать тактические параметры марш-броска.

— Дистанция какая по подземному контуру? — спросил он.

— Около двенадцати километров по прямой, — Одинцов затянулся сигаретой. — Но легкой прогулки не жди, Култ. Половина туннелей сейчас затоплена химической жижей после Прилива — те самые «кисели», про которые тебе Проф рассказывал. Без хорошего защитного костюма там лопнуть нечего, подошвы до костей разъест за два часа. Но твой

«Контур-М4» выдержит, Прохор качественные вещи толкает. А вот для девки и наемника раненого это будет проблема. Им нужны специальные прорезиненные бахилы из ОЗК. У меня на складах СР-3 такого добра навалом в консервации лежит. Дам три комплекта. И фильтры свежие дам, советские, военные, индекс «МО-2». Они ваши фильтры ФП-5 по ресурсу в три раза превосходят.

Кирилл удивленно посмотрел на коменданта бункера.

— И какая цена за такой тактический подгон, товарищ майор? Вряд ли ты это делаешь просто за пачку «Мальборо».

Дед Одинцов хрипло рассмеялся, обнажив редкие, пожелтевшие от табака зубы. Он подошел к столу, взял свой стакан со спиртом и допил остатки.

— Цена простая, сапер. Ты мне этот КПК Сивого оставишь. И когда доберешься до мобильной платформы «Вектора» к профессору Гольцборну — передашь ему от меня персональный привет. И вот эту флешку.

Старик залез в потайной карман своего кителя и достал маленькую, старую металлическую флеш-карту военного образца с пятиштырьковым разъемом.

— Что на ней? — Кирилл взял флешку, взвешивая ее на ладони.

— Там полные электронные чертежи внутренних систем безопасности Четвертого энергоблока Объекта Четырнадцать, — Одинцов посерьезнел, его единственный голубой глаз уставился на Кирилла с пугающей силой. — То,

что ты ищешь в Центре, Культ... этот твой артефакт «Очаг Жизни»... Про него ходоки много сказок поют у костров. Но я знаю точно: он существует. Это не просто аномальное образование, это стабилизированное ядро реактора, которое после катастрофы 2018 года начало генерировать поле постоянной регенерации живых клеток. Ученые из «Вектора» мечтают его заполучить, чтобы продать западным корпорациям за миллиарды. Полковник фон Штольц ради него готов всю Зону в пепел раскатать. А тебе он нужен, чтобы дочку спасти. Мне Маркус успел шепнуть, пока мы его зашивали.

Старик вздохнул, выпустив ствол дыма.

— Я тридцать лет охраняю эти стены, Кирилл. Мое время уходит. Кардиостимулятор мой на последней батарее дышит, Прохор мне новые элементы питания с внешнего мира уже год привезти не может — дороги перекрыты. Мне терять нечего. Но я не хочу, чтобы этот бункер и тайны Четвертого блока достались наемникам фон Штольца или мародерам Глеба Костромина. Этот «Пепельник» со своими фанатиками из «Савана» спит и видит, как взорвать ядро реактора, чтобы устроить глобальный Выброс и сжечь всю Большую Землю. Они безумцы. Вытащи девку к отцу, отдай Гольцборну схемы безопасности. Пусть ученые зайдут в Четвертый блок первыми и запечатают ядро навсегда. Это твой тактический контракт, Культ. Берешься?

Кирилл сжал флешку в кулаке. Секунды тактического выбора прошли мгновенно. Перед его глазами снова встало

бледное лицо одиннадцатилетней Алинки в стерильном боксе онкоцентра. Ее время таяло с каждым часом, пока он топтал эту радиоактивную серую грязь Сектора «Минус Два».

— Берусь, товарищ майор, — твердо сказал Кирилл, пряча флешку в потайной карман под бронепластиной комбинезона. — Контракт принят. Показывай, где у тебя склады ОЗК и фильтров. Нам нужно снаряжаться. До рассвета осталось всего три часа, а подземный контур ошибок не прощает.

ГЛАВА 5: АРСЕНАЛ СПЕЦ-ХРАНИЛИЩА

Складской сектор бункера СР-3 занимал огромный, уходящий вглубь скальной породы зал длиной не менее пятидесяти метров. Вдоль стен выстроились массивные двухъярусные металлические стеллажи, заставленные ровными рядами деревянных ящиков зеленого цвета с трафаретными надписями черной краской. Здесь пахло сухим деревом, тальком, новой резиной и плотным слоем пушечной смазки, которая надежно защищала советское военное имущество от всеразрушающего времени Сектора.

Дед Одинцов шел впереди, мерно стуча каблуками яловых сапог по бетонному полу. В его правой руке была массивная связка ключей, которая звенела в тишине склада как тактический метроном.

— Вот оно, мое царство, Культ, — старик с гордостью обвел рукой стеллажи. — Склады стратегического резерва Третьего управления Госплана СССР. Тут заложено снаряжение на случай полномасштабной химической и ядерной войны для целого инженерно-саперного батальона. Все в масле, все в консервации 1989 года. Никакой вашей китайской пластмассы или натовского говна, которое от первой же известии Сектора «Ноль» сыплется как труха.

Он подошел к одному из ящиков, вставил массивный ключ в навесной замок и с усилием провернул его. Металл щелкнул. Одинцов откинул тяжелую деревянную крышку, внутри которой обнаружились аккуратные рулоны прорезиненной ткани защитного цвета.

— Изделие ОЗК, общевойсковой защитный комплект, — Дед вытащил три пары тяжелых, пахнущих тальком защитных бахил с резиновыми ремнями-затяжками и массивными подошвами, усиленными стальными пластинами от проколов. — Одевать поверх вашей обуви. Затяжки фиксировать на бедрах мертвой хваткой. В этих бахилах можете хоть по колено в «кисель» летать — резина спецпропитки, держит концентрированную азотную кислоту в течение двенадцати часов. Для Анны бери самый маленький размер, двойку, иначе она в этих лазах запутается и нос себе расшибет. Для Маркуса — четверку, у него лапа медвежья. Ну и для себя комплект возьми, твой «Контур», конечно, хорош, но береженого бог бережет, а сапера — ОЗК.

Кирилл аккуратно переложил тяжелые резиновые комплекты в свой ранец, который теперь раздулся до предела.

— Теперь по фильтрам, — Одинцов прошел к соседнему стеллажу, открыл ящик поменьше, заполненный ровными рядами жестяных коробок зеленого цвета с маркировкой «МО-2». — Вот они, наши оборонные фильтры. Внутри — трехслойный активированный уголь с серебряным напылением и специальный контур поглощения тяжелых газов Сек-

тора. Вкручиваются в твою маску «ППМ-88» как родные, резьба стандартная, сороковая. Один такой фильтр держит фоновую радиацию до пятидесяти рентген в течение шести часов непрерывного марша. Бери десять штук. Хватит до самых болот и обратно.

Кирилл взял одну коробку, проверил целостность сургучной печати на приемном отверстии. Все было в идеальном консервационном состоянии. Советское качество оборонки сейчас казалось фантастикой на фоне того кустарного хлама, которым торговал Прохор на Кордоне.

— Товарищ майор, а что по оружию? — Кирилл покосился на стеллажи в дальнем конце зала, где за железной сеткой-рабицей тускло поблескивали ровные ряды пирамид с автоматами. — Мой АК-74Н хорош, но патронов 5.45 у меня осталось всего три магазина после боя на Свалке. У Сивого я, конечно, подрезал цинки, но они тяжелые, мы их на себе под землю не утащим. Есть что-то под патрон 9х39 мм? «Вал» или «Гроза»? Для подземных туннелей теплотрассы тяжелая дозвуковая пуля — идеальный тактический вариант, рикошетов меньше, а останавливающее действие чудовищное.

Дед Одинцов остановился, хитро прищурил свой единственный блекло-голубой глаз и почесал усы.

— Ишь ты, какой хитрый сапер... «Вал» ему подавай, «Грозу»... Это оружие специальное, ведомственное, у меня на складах Госплана такого жира нет. Но... есть у меня одна штука в спец-хране, которую прапорщики из Семипала-

тинска в 1990-м привезли перед самым закрытием полигона. Экспериментальный образец, так сказать. Пошли, покажу, раз уж у нас контракт серьезный.

Они прошли за сетку-рабицу к небольшому стальному сейфу, вмонтированному прямо в скальную стену. Одинцов набрал сложный шестизначный код на поворотном диске, рванул массивную ручку на себя. Внутри сейфа, завернутый в толстый слой промасленной пергаментной бумаги, лежал короткий, массивный автомат со сложенным набок металлическим прикладом. Оружие имело необычную компоновку «булл-пап» — пистолетная рукоятка и спусковой крючок были вынесены далеко вперед, а магазин на двадцать патронов вставлялся в самый приклад, за рукояткой управления огнем.

— Опытный штурмовой комплекс **ОЦ-14-4А-01 «Гроза»** — бережно вытащив оружие из бумаги, Одинцов снял слой смазки ветошью. — Калибр — девять на тридцать девять миллиметров. Патрон **СП-6**, бронебойный, с тяжелым сердечником из закаленной стали. Оружие короткое — всего шестьдесят сантиметров в длину, для подземных лазов и узких коридоров теплотрассы — лучше не придумаешь. Интегрированный глушитель идет в комплекте, надульник с тактической рукояткой удержания установлен. К нему дам четыре магазина на двадцать патронов и три коробки чистых бронебойных патронов СП-6. Эта штука на пятидесяти метрах шьет бронежилет капитана Миллера БР-5 вместе с на-

емником внутри как гнилую фанеру. Забирай, Культ. Твой АК-74Н пусть пока у Анны за спиной повисит для страховки, а с «Грозой» ты в этих туннелях будешь королем тактики.

Кирилл взял автомат в руки. Оружие было тяжелым, плотным, с идеальным балансом веса. Центр тяжести смещен назад, к прикладу, что позволяло вести прицельный огонь даже с одной руки при зачистке углов. Он передернул затворную раму — ход был мягким, маслянистым, без малейшего намека на тот металлический скрежет, который выдавал карабин Маркуса в Секторе «Ноль». Патроны СП-6 с их тяжелой дозвуковой пулей весом в шестнадцать граммов гарантировали, что первый же выстрел в подземном туннеле станет для любого врага последним.

— Спасибо, товарищ майор, — Кирилл закрепил тактический ремень «Грозы» на плече. Оружие легло строго по центру груди, готовое к моментальному вскидыванию. — Экономика этого подгона перекрывает все мои затраты. Теперь у нас есть реальный тактический шанс пробить подземный контур Сектора до начала следующего Прилива.

— Ладно, не размазывай сопли по кителю, сапер, — Одинцов закрыл сейф. — Время четыре утра. Нам пора возвращаться в медблок. Посмотрим, как там наш немецкий контрактник оклемался после хирургии. Пора будить группу и выходить на исходные позиции. Подземная теплотрасса ждет, а Глеб Костромин со своими «пепельниками» из «Савана» наверняка уже выставил свои секреты у входа в цен-

тральные коллекторы. Вперед, шагом марш!

Они покинули складской отсек, неся на себе бесценный груз советского оборонного наследства. Кирилл чувствовал, как внутри него крепнет уверенность. С таким арсеналом, свежими фильтрами «МО-2» и тяжелой штурмовой «Грозой» под рукой он был готов пройти сквозь любые подземные круги ада Сектора «Минус Два». Ради дочери. Ради ее единственного шанса на жизнь.

ГЛАВА 6: ИЗНАНКА СУМЕРЕЧНОГО БУНКЕРА

Когда Кирилл и Дед Одинцов вернулись в медицинский блок, Маркус уже сидел на краю кушетки, свесив ноги вниз. Наемник был одет в чистое советское нательное белье защитного цвета, выданное комендантом, а его левое плечо и грудь были плотно замотаны широкими брезентовыми бинтами, сквозь которые отчетливо проступал желтоватый цвет мази Вишневского. Лицо наемника все еще оставалось бледным, но в глазах за стеклами тактических очков уже не было того мутного, шокового тумана. Опиатный коктейль Одинцова в сочетании с мощным ветеранским организмом сделал свое дело — боец «Черного Креста» возвращался в строй.

Анна стояла рядом, помогая ему застегивать уцелевшие ремни на правой стороне разгрузочного жилета БР-4. На столе из нержавеющей стали уже стояли три кружки из толстого фаянса, от которых поднимался густой, ароматный пар. Пахло сушеным зверобоем, мятой и настоящим довоенным сахаром-рафинадом.

— О, явились, заготовители хабара, — Маркус хрипло, болезненно усмехнулся, попытавшись приподнять левую руку, но тут же поморщился от дикой вспышки боли в лопатке и опустил ее обратно. — Слышь, Культ, ну и коновал твой

майор... Он мне там внутри так ложкой ковырял, думал, он мне всю спину наизнанку вывернет. Но дышать стало легче, легкое не задето. Спасибо, дед. На Большой Земле за такую операцию в частной клинике с меня бы три тысячи евро содрали, да еще и полис бы проверяли неделю.

— Не за что, контрактник, — Дед Одинцов прошел к столу, взял свою кружку с травяным чаем и бросил на прилавок пачку защитных бахил ОЗК. — На Большой Земле ваши врачи только деньги считать умеют, а я в Афгане под Кандагаром пацанов после подрывов на итальянских минах-лягушках пачками зашивал обычными суровыми нитками. Так что сиди тихо и не дергайся. Вот вам бахилы резиновые, одевать прямо сейчас. Под землей в теплотрассе «кисели» по колено разлиты, без этой снаряги вы до первого перекрестка не дойдете, подошвы растворятся к чертовой матери.

Маркус покосился на тяжелые резиновые чулки с затяжками, затем перевел взгляд на новое оружие Кирилла — короткую, хищную ОЦ-14 «Гроза», висящую на его груди.

— Ого... — наемник даже присвистнул. — «Гроза»? Девять на тридцать девять, спецназ КГБ? Ну, Прохор на Кордоне за такой ствол бы точно удавился от зависти. Где откопали, сапер?

— У майора в закромах Госплана, — Кирилл присел на железный табурет, сделал глоток горячего чая. Травы приятно обожгли горло, смывая застоявшийся вкус угольного талька от старых фильтров комбинезона. — Это наш глав-

ный тактический аргумент для подземного контура, Маркус. Патроны СП-6, бронебойные. Твой карабин НК416 пока побудет у Анны за спиной, затвор у него в Секрете «Ноль» совсем разбух, заклинить может в любую секунду. Ты пойдешь с моим старым АК-74Н, я его почистил, зазоры там советские, грязи не бояться. Будешь прикрывать тыл со своей здоровой правой руки.

Маркус хмуро кивнул, соглашаясь с железной логикой бывшего сапера. В Секрете «Минус Два» гордость стояла дорого, а надежность оружия была единственной валютой, которая гарантировала возвращение на поверхность.

— Так, граждане ходоки, — Дед Одинцов допил чай, грохнув кружкой о стол, и поправил черную повязку на глазу. — Время полпятого утра. Пора выходить на исходный рубеж. До шлюза технического коллектора теплотрассы отсюда метров двести по подземным переходам бункера. Я вас провожу до первой гермодвери, введу коды доступа на панели, а дальше — сами. Экранированные кабельные короба выведут вас прямым ходом к Припятским болотам, к мобильной платформе «Вектора». Помните про контракт, Культ: флешку отдать лично профессору Гольцборну в руки, КПК Сивого — ему же на расшифровку логов наемников. Полковника фон Штольца и его шестерок — в расход при первой же возможности. Они предатели присяги и мародеры.

— Принято, товарищ майор, — Кирилл поднялся, надевая шлем и панорамную маску «ППМ-88».

С сухим, металлическим щелчком он вкрутил в боковой узел маски свежий зеленый фильтр «МО-2» из закроев Одинцова. Воздух пошел чистый, прохладный, с едва заметным привкусом новой резины. Компрессор комбинезона «Контур-М4» на поясице привычно зажуужал, выравнивая внутреннее давление костюма.

Группа начала движение по подземным лабиринтам «Госрезерва-2018». Коридоры становились все уже, белый кафель стен сменился грубой бетонной кладкой, покрытой потеками грунтовых вод. Маркус шел посередине, тяжело переставляя ноги в массивных бахилах ОЗК, но его взгляд оставался цепким. Анна замыкала цепь, держа в руках укороченный карабин Маркуса как тактическую страховку.

Наконец они уперлись в тупик, где высилась небольшая, серая гермодверь с кодовым электронным замком серии «Кристалл». Над дверью тускло светила багровая лампочка аварийного освещения. Из-под щели затвора тянуло сыростью, гнилью и тем самым едким химическим запахом аммиака — признаком близости к подземной теплотрассе Сектора.

Дед Одинцов подошел к панели, его пальцы быстро набрали сложную комбинацию цифр. На замке щелкнуло, лампочка сменила цвет с багрового на ровный, тактический зеленый. Ригели со скрежетом вышли из пазов стены.

— Всё, пацаны, приехали, — старик повернулся к Кириллу, протянув ему свою мозолистую, узловатую руку. — Даль-

ше ваш контур зачистки начинается. Помните: земля там под Рыжим лесом живая, а Глеб Костромин со своими «пепельниками» ошибок не прощает. Если услышите в туннеле звук тяжелого пулемета — это «Печенег» Пепла работает, валите в дренаж без оглядки. Удачи тебе, сапер. Спаси дочку.

Кирилл крепко пожал руку старому майору инженерных войск.

— Спасибо за всё, товарищ майор. Мы дойдем. Порядок в бункере держи, мы вернемся.

Одинцов хрипло усмехнулся, затянулся остатком сигареты «Мальборо» и с усилием толкнул тяжелую гермодверь от себя. За проемом открылся зев гигантского, трехметрового бетонного туннеля подземной теплотрассы, уходящего в крошечную, зловещую тьму Сектора «Минус Два».

Группа сделала свой первый шаг за порог бункера стратегического резерва.

ГЛАВА 7: ПОДЗЕМНЫЙ КОНТУР РЫЖЕГО ЛЕСА

Туннель магистральной теплотрассы Объекта Четырнадцать подавлял своими масштабами. Гигантская бетонная труба диаметром в три метра уходила вперед, растворяясь в плотной, липкой темноте, которую с трудом пробивал мощный светодиодный луч подствольного фонаря «Грозы». На полу туннеля, между поржавевшими рельсами старой узкоколейки, стояла мутная, ядовито-зеленая жижа — те самые «кисели». Жидкость мерно бурлила, выделяя тяжелые, стелющиеся по земле фосфорические газы, из-за чего весь пол туннеля слабо светился бледным, мертвенным светом.

Тяжелые резиновые бахилы ОЗК, выданные Дедом Одинцовым, оказались идеальным тактическим решением. При каждом шаге Кирилла массивные резиновые подошвы с тихим хлюпаньем погружались в химическую жижу по щиколотку, но плотный, пропитанный спецсоставом материал ОЗК держал агрессивную среду намертво. На поверхности бахил жидкость шипела, собираясь в крупные капли, но внутрь костюма не проникало ни грамма ядовитого аммиачного конденсата.

— Культ... — голос Маркуса в рации прозвучал глухо, прерываясь сухим кашлем. Наемник шел вторым, тяжело

опираясь правой рукой на обломок старой шпалы. Его левая рука была плотно прижата к груди брезентовыми стропами повязки Одинцова. — Слышишь этот гул вверху? Мы сейчас как раз под южной окраиной Рыжого леса проходим. На поверхности сейчас, походу, опять Прилив пошел, земля аж вибрирует.

Кирилл остановился, подняв голову к своду туннеля. Через толщу бетона и двадцатиметровую подушку сырой земли действительно доносился далекий, утробный рокот, похожий на гул сотен реактивных двигателей. Земля над их головами мелко, непрерывно дрожала. С бетонных стыков плит вниз, в зеленую жижу «киселя», со звоном падали тяжелые известковые капли.

— Прилив идет поверху, — Кирилл проверил индикатор давления на рукаве костюма. Новый советский фильтр «МО-2» работал идеально, стрелка манометра замерла в зеленой зоне. Воздух в маску шел прохладным, сухим. — Но под землей экранирующие кабельные короба Госплана держат поле постоянной стабилизации. Физика пространства здесь не нарушена, «лифтов» и «жарок» можно не бояться. Главное — под ноги смотреть и не наступить на скрытый кабельный колодец. Анна, как прибор?

Девушка шла третьей, держа в руках укороченный карабин НК416 Маркуса. Ее лицо за панорамным стеклом исследовательской маски было сосредоточенным, она то и дело сверялась с показаниями наручного анализатора плотности

аномальных полей.

— Радиационный фон в норме, Культ — около двадцати миллирентген, — тихо ответила лаборантка. — Но плотность газов растет. У меня в маске датчик показывает превышение концентрации серного ангидрида. Хорошо, что дед Одинцов нам эти военные фильтры выдал, наши старые ФП-5 бы тут через полчаса полностью забились.

Группа прошла еще около полутора километров по подземному контуру, когда узкоколейка сделала плавный изгиб влево, упираясь в массивную подземную развилку. Центральный туннель теплотрассы шел дальше на север, к Припятьским болотам, а направо уходил более узкий кабельный коллектор связи, закрытый ржавой решеткой-рабицей.

Кирилл остановился у развилки, бросив латунную гайку в зев центрального прохода. Гайка упала в жижу с обычным всплеском. Но внезапно из темноты кабельного коллектора справа донесся отчетливый, металлический щелчок — звук передергиваемого затвора тяжелого оружия.

— Стой! Кто идет?! Руки от цевья, стволы в землю, б..я! — из-за бетонного выступа решетки вырос силуэт человека.

Бандит был одет в плотный армейский камуфляж, поверх которого была наброшена черная холщовая ряса, испачканная серой золой и мазутом. На голове — старый шлем-сфера без забрала, лицо закрыто грязным марлевым респиратором. В руках незнакомец уверенно удерживал штурмовой автомат АКМ с прикрученным кустарным глушителем. На рука-

ве рясы угадывался бледный, выжженный кислотой шеврон группировки «Саван» — перечеркнутый белый круг, символ очищающего пепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.